

«Он не может быть заменен никем...»

В. П. Волков,

доктор геолого-минералогических наук

Е. В. ЕсаковаИнститут геохимии и аналитической химии
им. В. И. Вернадского АН СССР
Москва

ЕСЛИ БЫ не рассекреченные архивы, мы бы еще, может быть, сомневались в том, что в недалеком прошлом одним из способов борьбы властей с неудобными людьми был особый моральный и психологический террор. Похоже, он целенаправленно применялся к Вернадскому. А состоял в том, что в лабиринтах ГУЛАГа друг за другом исчезали друзья его детства, родные, сотрудники, ученики... В конце 30-х волна репрессий накрыла и его любимое детище — Биогеохимическую лабораторию. Из примерно 20 ее сотрудников были арестованы четверо. О троих — В. А. Зильберминце, А. М. Симорине и А. А. Кирсанове — «Природа» уже писала¹. Четвертым был Бруно Карлович Бруновский — радиогеохимик, известный в стране и за рубежом.

В дневниковых записях Вернадского, так называемой «Хронологии», есть строки, написанные в годы войны: «Дошло до нас известие о гибели Бруно Карловича Бруновского, арестованного при негодяе Ежове... выяснилось, что Бруновский погиб — утонул при аварии парохода, который перевозил арестованных в Сибири. Это один

из бесчисленных случаев злоупотреблений властью, в конце концов ослабляющих власть идейную. (...) Убийство Б. К. Бруновского — никак иначе нельзя... чувствовать как проявление гниения идеологической основы коммунистического строя, к сожалению, встречающегося на каждом шагу».

По официальной версии, Бруновский скончался от порока сердца 13 ноября 1938 г. и похоронен на кладбище лагпункта пос. Заболоченный Сусуманского района Магаданской области.

Понятно, что о Бруновском, несмотря на значительность его работ, сведений сохранилось очень мало. Картину его жизни пришлось собирать буквально по крохам. Вот как вспоминает о Бруно Карловиче один из старейших наших петрографов Валерий Петрович Петров (они были соседями по дому на 1-й Мещанской, где тогда жили многие ученые Академии наук).

— Бруно Карлович был очень добродушный, тихий человек, страшно увлекался охотой, в его семье были две пожилые женщины, немки по национальности. Когда Бруно арестовали, они оказались совсем без средств к существованию, соседи по дому организовали им репетиторство по немецкому языку, тогда ведь дети московских школ в основном немецкий учили... А потом большинст-

во жильцов дома отправились в эвакуацию. Вернулись в 43-м, никого из Бруновских уже не было.

Сам Бруновский оставил о своей семье удивительное по чистоте и наивности свидетельство в тексте официальной автобиографии, подписанной 16 мая 1936 г.: «Жены не имею. Состав моей семьи следующий: мать (72 года) ведет хозяйство внутри дома. Тетя (68 лет) производит все нужные покупки и готовит еду. Мать и тетя присматривают за моей собакой (ирландский сеттер), который является четвертым членом моей семьи».

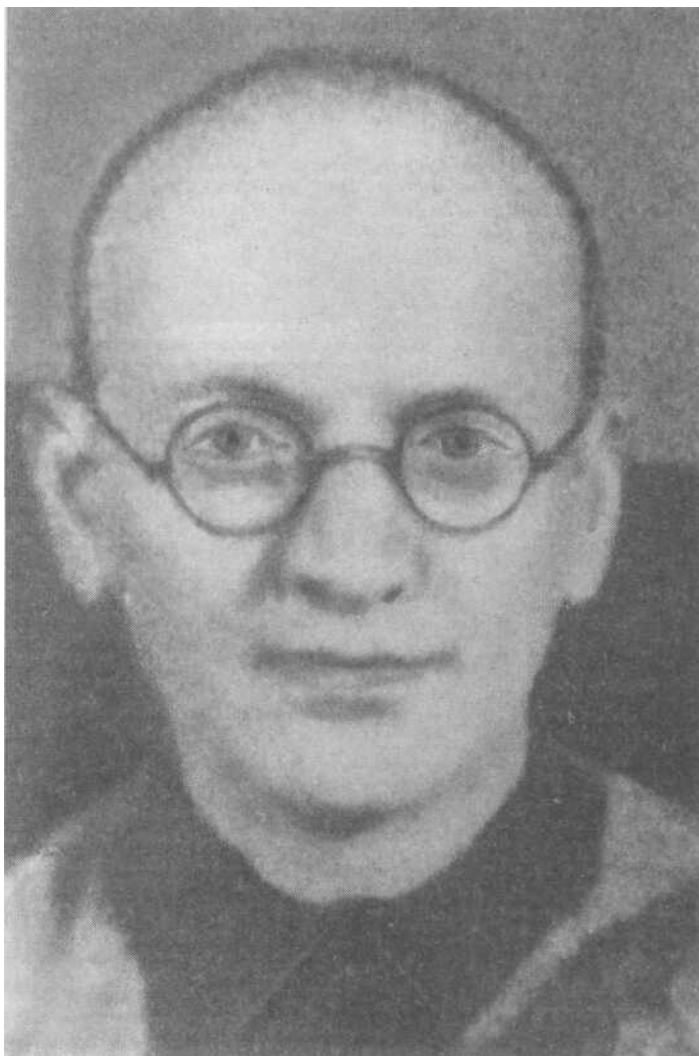
Бруновский родился 3 февраля 1900 г. в Петербурге в семье обрусевшего немца, бухгалтера лесного предприятия «Роберт Дитлер». В разгар гражданской войны, в 1919 г., окончив к этому времени гимназию, Бруно вместе с родителями переехал в глухой уезд Тверского края в посад Селижарово, где преподавал в местной школе химию и немецкий язык.

В 1922 г. вся семья возвратилась в Петроград, Бруновский был принят на работу в Государственный радиевый институт, основанный Вернадским. Осенью того же года вместе с тремя горными инженерами он выехал на Тюямуонский радиевый рудник в Фергане, где в то время еще действовали отряды басмачей. Тюямуонское месторождение рассматривалось

¹ Волков В. П. «Родина еще сумеет отблагодарить Вас...» // Природа. 1988. № 11. С. 48—56; Коробова Е. М. «Я был, есть и буду его учеником» // Природа. 1990. № 6. С. 124—128; Волков В. П. «У них был кружок мистических поэтов...» // Природа. 1990. № 11. С. 126—128.

² Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 118, 191.

³ ААН СССР. Ф. 411. Оп. 6. Ед. хр. 415. Л. 10.

Бруно Карлович Бруновский
(1900–1938).

как перспективное на радий, и требовалось определить концентрацию урана в породах. Бруно Карлович успешно поставил эту работу, провел систематические электрометрические измерения радиоактивности пород, вод и воздуха в горных выработках. С очевидной гордостью позднее он писал: «Материалы, добытые радиевой экспедицией, легли в основу акта эксплуатации месторождения, и через несколько лет страна по-

лучила первый грамм радия из собственного сырья»⁴.

На следующий год Бруновский был принят вольнослушателем в Ленинградский университет по физико-математическому отделению без отрыва от работы в Радиевом институте. В 1927 г. он окончил университет, однако официального свидетельства почему-то не получил. Для Вернадского это значения не имело, тем более что Бруно Карлович к этому времени уже напечатал несколько работ, и при организации Биогеохимической лаборатории в

1928 г. он стал научным сотрудником I разряда.

В Биогеохимической лаборатории Бруновский организовал радиобиологическое отделение, где велись работы по изучению радиоактивности организмов и среды их обитания. Впервые было установлено, что в различных видах ряски накапливаются изотопы радия и не накапливаются изотопы тория. «Эти факты,— писал Бруновский,— как будто говорят за то, что организм учитывает при усвоении какого-либо радиоактивного элемента, удовлетворяющего его химические потребности, характер излучения и запас энергии, носителем которой он является. Мы тут подходим к чрезвычайно тонким явлениям, и приемы радиоактивного измерения, как видно, являются весьма благодарным методом для решения целого ряда обширных вопросов, связанных с уяснением значения радиоактивных элементов в малых концентрациях для живых веществ»⁵.

После ареста Бруно Карловича в марте 1938 г. Вернадский писал Вышинскому: «Он не может быть заменен никем до сих пор, т. к. работа по радиоактивности организмов — работа, требующая большой и долгой выучки»⁶.

Работу Бруно Карловича в этом направлении Вернадский оценивал очень высоко: «Эти новые явления (явления радиоактивности организмов) вызвали количественное определение радия в животных и растительных организмах, впервые в таких размерах и с такой точностью произведенные. В 1933 г. Б. К. Бруновскому и К. Г. Кунашевой удалось доказать концентрацию организмами (ряской) мезотория-1. Эти открытия уже достаточно определяют значение работы, проводимой и организованной Б. К. Бруновским...»⁷.

В кристаллографическом

⁵ Цит. по: Микулинский С. Р. Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988. С. 384.

⁶ Бруновский Б. К., Кунашева К. Г. К вопросу о нахождении мезотория в растениях // Природа. 1938. № 11. С. 68—70.

⁷ ДАН СССР. Ф. 411. Оп. 6. Ед. хр. 415. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 9, 10.

секторе Ломоносовского института, куда Бруновский был приглашен А. Е. Ферсманом в 1931 г., он создал установку для рентгеноструктурного анализа. Результаты исследования структуры одного из только что открытых в Хибинах цирконосиликатов (катаплеита) были представлены в качестве докторской диссертации. По отзыву академика А. В. Шубникова, «эта работа является первой чисто структурной работой, сделанной в пределах СССР советским научным работником»⁸. Академик

Н. В. Белов всю жизнь с восхищением вспоминал талантливое молодое ученое, сделавшего первые в России расшифровки кристаллической структуры минералов на собранной им установке.

Кроме того, Бруновский применил радиоактивную и рентгеновскую методики для решения многочисленных конкретных вопросов из соседних областей — минералогии, почвоведения, кристаллохимии. Всего за 15 лет он опубликовал около 30 статей, часть из которых вышла за рубежом.

Вернадский считал его чрезвычайно перспективным

ученым и в 1936 г. настойчиво хлопотал о его зарубежной командировке. «Я прошу направить Б. К. Бруновского,— писал он,— для работы в радиометрических лабораториях Швеции, где он должен овладеть новой методикой, и ознакомиться с радиевыми институтами в Праге, Вене и Париже»⁹.

Но за рубеж его не пустили. Ему была уготована другая участь.

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ ААН СССР. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 378. Л. 25.